

УДК 94 (470.56)“183/184”

Н. Л. Семенова

Административно-территориальное переустройство Оренбургской губернии в проектах военных губернаторов края в 30—40-е годы XIX века

На основании изучения архивных документов в статье проанализированы проекты разделения Оренбургской губернии, разработанные военными губернаторами края в 30—40-е гг. XIX в. Исследование позволило уточнить механизмы принятия правительственных решений во второй четверти XIX в. Сделан вывод о том, что важнейшими критериями административных преобразований оставались централизация, дальнейшая интеграция окраинных районов в имперское пространство, создание недорогого и эффективного аппарата управления губерниями, учитывающего местные особенности и интересы центра.

Ключевые слова: административная политика, Оренбургская губерния, военный губернатор, административно-территориальное устройство, Комитет министров.

Проблемы построения вертикали власти, организации эффективного административно-территориального устройства актуальны для Российского государства до настоящего времени. Они напрямую связаны с вопросами оптимизации административного аппарата, поисками продуманного административно-территориального деления.

Российская имперская политика, несмотря на имевшиеся просчеты, в целом обеспечила долговременность существования и единство огромного полиэтнического государства. Административно-территориальное устройство России решало военно-административные, фискальные, судебные задачи. Модель управления отдельной территорией определялась ее имперским статусом.

В современной историографии наметилось несколько подходов к изучению административной политики Российской империи, анализируются ее цели, этапы и методы в отдельных регионах. Так, доктор исторических наук, профессор А. В. Ремнев ввел в научный оборот концепцию «географии власти», которая предполагает изучение пространственного размещения, территориальной динамики власти, институциональной структуры и управленческой иерархии в дихотомии «центр — периферия» [19, с. 12]. Управленческий центр представлен столицей, где находятся высшие и центральные учреждения государства, разрабатываются управленческие решения и откуда происходит пространственное структурирование власти. Под регионом Ремнев понимает не политико-административное, а историко-географическое пространство, которое сложилось в ходе развития Российского государства и выделяется своей индивидуальностью, имеет особенности в социально-экономическом, социокультурном и этноконфессиональном развитии [19, с. 13].

Профессор С. В. Любичанковский ввел понятие «внутренняя административная колонизация» в Российской империи как комплекс управленческих решений, направленных на «переваривание» территорий, трансформацию их статуса в империи, выделил три направления этого процесса: специфический подбор высших региональных руководителей, основанный на определении места той или иной губернии; пересмотр административно-территориальных границ губернии; изменение имперского статуса территорий путем унификации системы местного управления [6, с. 457—458]. Все механизмы были подчинены задачам унификации, «подтягивания» периферии до положения «ядра».

Современный японский исследователь К. Мацузато на основе анализа реформ середины XIX столетия в Оренбургском крае пришел к выводу, что стержнем российской пра-

© Семенова Н. Л., 2017

вительственной политики в это время являлось решение следующих задач: ликвидация корпоративной структуры общества, дорогостоящего попечительства администрации и «разъединенности властей» [8, с. 438]. К. Мацузато убежден, что Российская империя была построена не на этнических, а на чисто территориальных принципах. Он считает, что «было бы ошибкой рассматривать национальную политику по отношению к тому или иному народу вне территориального контекста» [7, с. 430].

В новейших работах по истории России как империи подчеркивается, что сегодня происходит дисциплинарное расширение изучения империи, специализация исследований. Наиболее востребованными и инновационными являются труды, выполненные в рамках регионального подхода, который позволяет изучить функционирование механизмов полиэтнической империи на различных территориях [4, с. 279].

Целью данной статьи является анализ проектов разделения Оренбургской губернии, составленных военными губернаторами П. П. Сухтеленем, В. А. Перовским, В. А. Обручевым в 30—40-е гг. XIX в. Решение данной исследовательской задачи поможет более точно определить место Оренбургского края в империи, уточнить главные направления, критерии, методы административной политики Российского государства в разные исторические периоды. Изучение проектов военных губернаторов позволит выяснить роль руководителей местной администрации в разработке и принятии правительственных решений.

Исследование проблемы административно-территориального переустройства Оренбургского края в 30—40-е гг. XIX в. возможно на основе делопроизводственной документации, отложившейся в фондах центральных (Российский государственный исторический архив) и местных (Государственный архив Оренбургской области) архивов. Неопубликованные архивные документы (журналы Комитета министров, приложения к ним, всеподданнейшие отчеты и доклады военных губернаторов) содержат не только планы и предложения главных начальников края, но ход и результаты их обсуждения, тем самым позволяют точнее представить механизм принятия правительственных решений, цели и задачи политики центра.

К началу 30-х гг. XIX в. Оренбургская губерния состояла из 12 уездов и являлась частью обширного Оренбургского края, который наряду с губернией включал территорию проживания башкир в Вятской, Пермской, Саратовской губерниях, земли Уральского казачьего войска, приуральские кочевья Внутреннего казахского жуза (Букеевская орда), территорию Ново-Илекского района. Площадь Оренбургской губернии насчитывала 28 млн. десятин, а население — 550 000 душ мужского пола [12, л. 162]. Уральское казачье войско занимало площадь 6 млн. десятин земли с населением 40 000 душ мужского пола [12, л. 162]. В 1835—1838 гг. в состав земель Оренбургского казачьего войска было добавлено более 4 млн. десятин земли (территория от Орска до р. Уй) и образован Новолинейный район [4, с. 20—26]. Оренбургская губерния была не самой большой в Российской империи по территории, но отличалась многочисленным населением. Самой обширной по занимаемой территории в государстве считалась Архангельская губерния, составлявшая 78 736 839 десятин с населением 108 118 душ мужского пола [21, с. 35]. Вологодская губерния занимала 35 803 445 десятин, насчитывала по материалам IX переписи 885 257 душ обоего пола [22, с. 81].

Огромная территория губернии создавала трудности для организации управления. Еще в начале 20-х гг. XIX в. оренбургский военный губернатор П. К. Эссен, назначенный на должность 19 января 1817 г., с целью организации более эффективного управления предложил разделить Оренбургскую губернию на две [20, с. 48]. Обсуждение проекта П. К. Эссена нашло отражение в историографии [20, с. 47—55]. Тогда правительство

посчитало, что проведение данной реформы приведет к серьезным государственным расходам, поэтому проект П. К. Эссена не был реализован.

Новый военный губернатор граф П. П. Сухтелен, назначенный в Оренбургский край 21 апреля 1830 г. и сменивший П. К. Эссена, предпринял несколько инспекторских поездок с целью изучения состояния местного управления [2; 16]. Познакомившись поближе с делами управления, 24 ноября 1831 г. он писал о своих впечатлениях статс-секретарю, управляющему делами 1-го отделения Собственной Е. И. В. Канцелярии А. С. Танееву: «...вверенная мне Оренбургская губерния, в обширных пределах своих заключающая много различное народонаселение и знатное богатство природы, возникнув из дикой до сего Башкирии, управляется по положениям и уставам, издаваемым вообще для Великорусских губерний, тогда когда сия, этак сказать, колония России ни по устройству, ни по степени образования не может быть приподоблена ни к одной европейской провинции империи» [18, л. 1—2].

П. П. Сухтелен составил свой проект преобразования Оренбургской губернии, который был рассмотрен на заседании Комитета министров 22 декабря 1831 г. [15, л. 6—6 об.]. Проект военного губернатора предполагал полностью изменить систему управления Оренбургским краем: разделить его на две губернии и область, присоединив к ним отдельные уезды Пермской и Симбирской губерний; открыть губернское управление в Екатеринбурге; образовать главное управление Оренбургским краем, областное управление, окружное управление в Оренбургской области, окружные управления в губерниях; расширить функции военного губернатора в вопросах «благоустройства вверенного ему края»; предусмотреть выгоды для местных чиновников [15, л. 2 об.].

План П. П. Сухтелена включал преобразования по военной части: в течение пяти лет «пять мешчерякских и восемь с половиной башкирских кантонов обратить в казенных поселян, дабы избавиться на будущее время услуг башкир для охранения пограничной линии»; три с половиной башкирских кантона, расположенные ближе к линии, предназначить для несения кордонной службы. Реорганизацию Оренбургского казачьего войска Сухтелен связывал со следующими шагами: «обратить в казаков четыре поселенных батальона 28-й дивизии, образовать из них неперменные образцовые полки, разделить все население, принадлежащее к Оренбургскому казачьему войску, на полки, определить к ним благонадежных офицеров, причислить к казакам гражданские сословия» [13, л. 328]. Военный губернатор писал, что главная цель его плана преобразований военной части в Оренбургском крае состоит в том, чтобы усилить охрану пограничной линии без особых расходов казны [13, л. 326]. Сухтелен был убежден, что чем многочисленнее будет то сословие, из которого «образуются природные защитники угрожаемой границы и чем оно лучше будет устроено, тем больше будет обеспечено благосостояние страны» [13, л. 327].

Проект военного губернатора П. П. Сухтелена вызвал оживленную дискуссию и довольно противоречивые оценки в правительстве. Так, Комитет министров признал, что разделение Оренбургской губернии на две с присоединением некоторых уездов Симбирской и Пермской губерний является вполне разумным предложением и соответствует географическому положению края [15, л. 6—6 об.]. Комитет также согласился с тем, что создание главного управления (или Совета) при военном губернаторе было бы полезно, так как сократит переписку и ускорит решение дел.

Министр финансов Е. Ф. Канкрин, напротив, не одобрил план П. П. Сухтелена, настаивая на том, что «единство и единообразие управления — есть исключительный способ вести дела столь обширного государства как Россия» [15, л. 10]. Расширение полномочий военного губернатора приведет к изменению сложившейся системы местного управления и затруднит работу правительства. Он считал, что не стоит еще больше усиливать

влияние главного начальника края, которому и так «предоставлена нужная власть относительно заграничных дел» [15, л. 10]. По мнению Канкрина, разделение Оренбургской губернии приведет к значительному увеличению числа чиновников и дополнительным налогам на жителей губернии. Предлагавшееся военным губернатором раздробление Пермской губернии министр финансов считал ошибкой, за которой последует увеличение переписки, а заводчикам придется по своим коммерческим делам «ходатайствовать в разных губерниях», а в «иных местах даже сами заводские дачи, лежащие в разных уездах, поступят в ведомство различных губерний» [15, л. 17—17 об.].

По мнению министра финансов, «введение в разных областях почти независимых местных управлений, подобно колониальным, сделало бы Россию, так сказать, Федерацией Генеральных Губерний, привело к скорому ее упадку и в противность духа русского народа, который есть совершенно монархический» [15, л. 19—19 об.]. Е. Ф. Канкрин был убежден, что губернское управление было заимствовано из опыта «лучше устроенных монархий» и представляет собой оптимальное сочетание принципов централизации и децентрализации [15, л. 19 об.].

Предложения и доводы П. П. Сухтелена по преобразованию военной части Оренбургского края были приняты Комитетом. Было решено на всем протяжении Оренбургской линии с внутренней стороны нарезать 15-верстную дистанцию и всех казенных поселян, живущих на данной территории, обратить в казачье сословие. Казенным крестьянам из малоземельных губерний разрешить селиться на свободных землях по Оренбургской линии и «обратить их в казачье сословие», всех белопахотных солдат и малолетков, живущих в Оренбургской губернии, причислить к Оренбургскому казачьему войску [13, л. 329—329 об.].

План разделения Оренбургской губернии был возвращен военному губернатору П. П. Сухтелену «на доработку, ввиду затруднений со стороны министра финансов». Однако эта работа не была завершена главным начальником края, так как в 1833 г. Сухтелен скоропостижно умер.

Обсуждение плана оренбургского военного губернатора Сухтелена показывает, что для верховной власти первостепенное значение имело создание эффективной и недорогой системы местного управления при соблюдении территориальной целостности края, принципов унификации, централизации в масштабах всего государства.

Новый военный губернатор граф В. А. Перовский, назначенный в Оренбургскую губернию 15 апреля 1833 г. и занимавший должность военного губернатора до мая 1842 г., считал, что состояние края требует «безотсрочного улучшения» [14, л. 5—5 об.]. В своем отчете по управлению Оренбургским краем за 1833—1842 гг. он писал, что основные проблемы местного управления связаны с тем, что: 1) население «не составляет однородной массы... смесь состояний, уже приобывших к гражданственности, с племенами полудикими, из которых первые развращены были слабым надзором и недостатком управления, последние же вовсе не имели устройства»; 2) ввиду географического положения края, прежде всего отдаленности его от центра империи, бедности городов, обширности уездов, «редкости» населения, трудно привлечь на службу грамотных чиновников и почти невозможно «ревизовать действия местного управления и требовать от него исполнения обязанностей в той же точности, как в прочих частях империи» [14, л. 9—9 об.].

В. А. Перовский был хорошо осведомлен о проектах его предшественников П. К. Эссена и П. П. Сухтелена, но оценивал их как предложения слишком «обширные и сомнительные», которые связаны с большими финансовыми расходами из казны, поэтому трудновыполнимые. Военный губернатор полагал, что важнее устроить управление отдельных сословий «согласно с бытом их и характером» [14, л. 6]. Руководствуясь этим

принципом, он смог добиться принятия указов, которые снизили остроту земельного вопроса в крае, оградили вотчинные права башкир от незаконных притязаний, уточнили обязанности, территорию войск.

Улучшить административно-территориальное устройство обширного Оренбургского края В. А. Перовский предлагал путем присоединения г. Ставрополя к Оренбургской губернии, а из частей Ставропольского и Самарского уездов, расположенных на левой стороне Волги, образовать новый уезд губернии, управление которым сосредоточить в Самаре [14, л. 23—23 об.]. Однако в декабре 1841 г. Перовский обратился к Николаю I с прошением об отставке и покинул Оренбургский край.

Предложения и доводы военных губернаторов П. П. Сухтелена, В. А. Перовского о необходимости проведения административно-территориальных преобразований в крае напрямую перекликались с выводами сенатора А. Н. Пещурова, сделанными по итогам ревизии Оренбургской губернии, проводившейся с октября 1842 по июль 1843 г. Ревизия стала самой «громкой» проверкой в истории края, вскрыла многочисленные нарушения в работе губернских и уездных присутственных мест, привела к отставке гражданского губернатора И. Д. Талызина. Одно из главных предложений, которое высказал сенатор Пещуров по ее итогам, состояло в том, что «необходимо приступить к переустройству этого важного во многих отношениях края» [16, л. 1]. Причины запутанности дел в присутственных местах — огромное пространство Оренбургской губернии (в окружности — до 4000 верст, площадь — 282 551 кв. верста); большая численность населения — 1 726 000, значительный процент коренных жителей, образ жизни которых серьезно отличается религией, обычаями, языком [3, л. 26].

А. Н. Пещуров писал, что все местное население подчиняется в общей сложности шести (!) ведомствам по военной и гражданской части [16, л. 1]. Так, тептяри и бобыли «подходят к сословию поселян, но подвергаются суду военному, но в полном смысле зависят от оренбургского губернского правления... А живут они в Оренбургской, Пермской, Вятской губерниях. Таким образом, власть оренбургского губернского правления распространяется на другие губернии» [3, л. 27]. Кроме того, полицейские места в крае заняты рассмотрением многочисленных споров между жителями губернии и казаками. Пещуров справедливо заключал: «...Оренбургская губерния остается в прежних границах, назначенных при начальном распределении на уезды, несмотря на большое пространство и увеличивающееся население» [3, л. 27].

10 августа 1843 г. император Николай I, выслушав итоги ревизии на заседании Комитета министров, повелел: «Министерству внутренних дел сообразить и представить мне проект разделения Оренбургской губернии на две с прирезкой Самарского уезда Симбирской губернии, землю же оренбургских казаков и самый г. Оренбург сделать отдельным наподобие Уральского» [11, л. 2]. Министр внутренних дел Л. А. Перовский поручил статистическому отделению МВД подготовить все необходимые сведения о территории, населении всех уездов Оренбургской губернии с учетом сословной принадлежности, вероисповедания, а также данные о числе жителей в прилегающих соседних губерниях [3, л. 2 об.].

Сбор статистических сведений, разработка и обсуждение проекта разделения Оренбургской губернии между министерствами растянулись на несколько лет. Министр внутренних дел Л. А. Перовский согласился с разделением Оренбургской губернии на две, предлагая к Уфимской приписать уезды Оренбургской губернии, а к Самарской — Самарский, Ставропольский, Мензелинский, Бугульминский, Бугурусланский, Бузулукский, Спасский и Чистопольский уезды [3, л. 2 об.]. Он также планировал земли, лежащие по Оренбургской линии, обратить в особое военное управление с центром в Оренбурге.

В отношении от 22 августа 1846 г., адресованном военному министру, Л. А. Перовский предложил А. И. Чернышеву высказать свое мнение по поводу того, как разделение губернии отразится на управлении войсками края.

Граф А. И. Чернышев писал, что все войска края — Оренбургское, Уральское казачьи и Башкиро-мещеряжское — имеют особые от губернского устройства местные войсковые управления, которые содержатся за счет войсковых сумм [3, л. 35]. В Оренбургском казачьем войске дела решаются посредством войскового дежурства и войскового правления; в Уральском — войсковой канцелярией, «закрывающей предметы военной и гражданской части и только по апелляционным делам поступают в Оренбургскую гражданскую палату, а по уголовным делам — в Оренбургскую уголовную палату» [3, л. 35]. Башкиро-мещеряжским войском заведует командующий, который имеет в своем подчинении военных и кантонных начальников. Военный министр отметил, что в 1841 г. принято решение оставить в военном положении только часть Башкиро-мещеряжского войска, а большую его часть перевести в податное состояние. Поэтому разделение губернии не помешает управлению войсками края.

Новый военный губернатор и командир Отдельного Оренбургского корпуса генерал-лейтенант В. А. Обручев, назначенный в край в 1842 г. после В. А. Перовского, выступил против разделения губернии. Весной 1848 г. он представил свои доводы в Комитет министров. В. А. Обручев писал, что хотя местное население и подчиняется шести различным ведомствам, но власть военного губернатора, как главного начальника края, соединяет в своих руках все нити управления [16, л. 14—14 об.]. По сведениям военного губернатора, в Оренбургском крае проживает 865 510 душ м. п., из числа которых 512 738 душ м. п. подчиняются гражданскому ведомству, а 352 772 душ м. п. — военному [16, л. 14—14 об.]. Только сословие тептярей и бобылей, насчитывающее 111 616 душ м. п., в отношении полицейских дел и раскладки рекрутской повинности находится под властью губернского правления. Поэтому, по мнению Обручева, основное «отягощение» в вопросах местного управления падает на уездные присутственные места, а не на губернские учреждения, и «при образовании двух губерний неудобство в отношении смещения по различию происхождения жителей и местного управления нимало не устранится» [16, л. 14—15]. Главная причина медленного решения дел в учреждениях — плохое состояние дорог между уездами и губернским центром, которое военный губернатор предлагал устранить «учреждением для прямого сообщения на проселочных дорогах верховых почт с одной простой корреспонденцией» [16, л. 15].

В. А. Обручев подсчитал, что после образования Уфимской губернии ее население будет насчитывать всего 517 567 душ м. п., но «разноплеменность населения, различие религий, языка и обычаев отделением четырех уездов не устранится» [16, л. 15]. Кроме того, уездные города Бузулук, Бугуруслан, Бугульма, Мензелинск, которые планируется отнести к Самарской губернии, находятся от Уфы гораздо ближе, чем Челябинск, Троицк и Верхнеуральск. Военный губернатор обращал внимание на то, что создание новой Уфимской губернии предусматривает назначение епархиального начальства, выделение помещений для него, а также для семинарии, гимназии, приказа общественного призрения, городской больницы, казарм батальона внутренней стражи, что связано с дополнительными расходами из казны [16, л. 15—15 об.]. Наконец, содержание почтовой гонимы, станционных домов, мостов, гатей для Уфимской губернии будет затруднительно. Общий вывод Обручева гласил: разделение Оренбургской губернии на две и отделение четырех уездов во вновь учреждаемую Самарскую губернию является крайне затратным с экономической точки зрения и неэффективным с точки зрения осуществления управления [16, л. 15—16].

Статистический комитет высказал иную точку зрения: переход Мензелинского, Бузулукского, Бугурусланского и Бугульминского уездов к Самарской губернии значительно облегчит управление Оренбургской губернией, так как ее население уменьшится на 292 710 душ м. п., принадлежащих гражданскому ведомству, и на 54 875 тептярей и башкир. Численность Уфимской губернии с учетом женщин составит 1 035 000 жителей, и она займет 24-е место среди остальных губерний Российской империи [16, л. 15—15 об.]. Комитет признал, что отходящие к Самаре уездные города находятся ближе к Уфе, «но зато большая часть городов, предназначенных к Самарской губернии, находится в ближайшем расстоянии от вновь учреждаемого губернского города». По вопросам городских доходов и земского сбора мнение статистического комитета было таково: «...губернское начальство должно заботиться об отыскании средств к улучшению онаго, не обременяя уезды, которые будут отделены» [16, л. 16—16 об.]. Наконец, комитет подчеркнул, что «оставление Оренбургской губернии в прежнем ее составе было бы отступлением от упомянутого в выписке Комитета министров Высочайшего положения» [16, л. 16—16 об.]. Статистический комитет нашел «предположенное разделение Оренбургской губернии на Уфимскую и Самарскую совершенно необходимым» для более удобного и эффективного управления, отметив при этом, что позиция военного губернатора В. А. Обручева, выступающего против разделения губернии, является ошибочной.

Итогом обсуждения вопроса о разделении Оренбургской губернии, начавшегося еще в 20-е гг. XIX в., стал Высочайший указ от 6 декабря 1850 г. об образовании Самарской губернии, в основу которого был положен план военного губернатора В. А. Перовского [10, с. 279]. В состав вновь учреждаемой губернии вошли 3 уезда Оренбургской губернии (Бугульминский, Бузулукский и Бугурусланский), 2 завожских уезда Симбирской губернии и 2 завожских уезда Саратовской губернии [10, с. 279]. Вновь образованная Самарская и Оренбургская губернии в соответствии с указом от 20 марта 1851 г. составили Оренбургское и Самарское генерал-губернаторство во главе с генерал-губернатором.

Образование Самарской губернии стало первым шагом административно-территориальных преобразований Оренбургского края в середине XIX в., но не решило до конца проблему административно-территориального переустройства Оренбургской губернии. Уральский хребет разделял губернию на две обширные области, что наряду с обширностью территории, многочисленностью населения создавало трудности в ее управлении. Поэтому поиск путей наиболее оптимального административно-территориального устройства края был продолжен при генерал-губернаторах А. А. Катенине, А. П. Безаке и завершился подписанием 5 мая 1865 г. «Высочайше утвержденного Положения об образовании из Оренбургской губернии двух губерний: Уфимской и Оренбургской» [10, с. 477]. Указ от 31 мая 1865 г. определил, что в состав Оренбургской губернии войдут уезды Оренбургский, Верхнеуральский, Троицкий, Челябинский, Орский, а также земли Оренбургского казачьего войска. Оренбург назначался центром губернии. Уфимская губерния включала шесть уездов: Мензелинский, Белебеевский, Бирский, Уфимский, Стерлитамакский, Златоустовский с центром в г. Уфе [10, с. 477—478].

Таким образом, анализ документов центральных и местных архивов свидетельствует о том, что во второй четверти XIX в. инициаторами проведения административно-территориальных преобразований в Оренбургской губернии выступали военные губернаторы как главные начальники края. Они имели более полное представление об объективных потребностях края. Цель проектов состояла в том, чтобы разделить Оренбургскую губернию на две, тем самым ликвидировав основные трудности в управлении — обширность территории, многочисленность населения и его подчиненность различным ведомствам. Объективно предлагавшиеся проекты военных губернаторов были направлены на даль-

нейшую унификацию управления краем и в конечном итоге должны были привести к изменению имперского статуса всего Оренбургского края.

Прослеживается определенная эволюция содержания проектов военных губернаторов. П. К. Эссен и П. П. Сухтелен предлагали разделение территории Оренбургской губернии, их планы касались устройства губернского управления, военных сословий края, усиления охраны пограничной линии. Начиная с В. А. Перовского главные начальники выдвигали на первый план необходимость трансформации многочисленных сословий Оренбургского края, которые несли разнообразные натуральные, трудовые повинности в пользу государства, в однородное податное сословие. Решение данной задачи напрямую было связано с сокращением государственных расходов на управление и полностью соответствовало имперской политике сближения местного управления и традиционного права с общероссийским законодательством. Эта политика, курс на которую был взят во второй четверти XIX в., определяется в историографии как «поглощение имперским ядром окраин» или как «внутренняя административная колонизация».

Во внутренней политике император Николай I руководствовался принципом: благосостояние государства напрямую зависит от точного исполнения законов. В основу отношения императора к народам Российской империи было положено правило: «Мы не ищем завоеваний, но — прочного устройства там, где владеем, и благосостояния присоединенных к России народов» [1, с. 247].

Правительство Николая I прислушивалось к аргументам и доводам руководителей местной администрации, согласовывало с ними планы преобразований. Архивные документы позволяют говорить о «диалоге» местной и центральной власти. Кроме того, важная особенность состояла в том, что во второй четверти XIX в. начинает проводиться большая работа по изучению населения губерний Российской империи, в том числе Оренбургской, и собранные сведения широко используются для обоснования принимаемых правительственных решений. В целом же главными задачами административной политики правительства во второй четверти XIX в. оставались централизация, дальнейшая интеграция окраинных районов в имперское пространство, создание недорогого и эффективного аппарата управления губерниями, учитывающего местные особенности и интересы центра.

Список использованных источников и литературы

1. Выскочков Л. В. Николай I. М. : Молодая гвардия, 2006.
2. Государственный архив Оренбургской области (ГАОО). Ф. 6. Оп. 4. Д. 9755.
3. ГАОО. Ф. 6. Оп. 6. Д. 12365.
4. Каппелер А. «Россия — многонациональная империя»: некоторые размышления восемь лет спустя после публикации книги // Мифы и заблуждения в изучении национализма. М. : Новое издательство, 2010.
5. Кобзов В. С. Военно-административная структура Оренбургского казачьего войска в XVIII — первой половине XIX в. Челябинск : Челяб. гос. университет, 1996.
6. Любичанковский С. В. Механизмы «внутренней административной колонизации» и имперское конструирование региональной управленческой специфики // Местное управление в пореформенной России: механизмы власти и их эффективность. Сводные материалы заочной дискуссии. Екатеринбург ; Ижевск, 2010. С. 457—460.
7. Мацузато К. Генерал-губернаторства в Российской империи: от этнического к пространственному подходу // Новая имперская история постсоветского пространства : сб. статей (Б-ка журнала «Ab imperio») / под ред. И. В. Герасимова, С. В. Глебова, А. П. Каплуновского, М. Б. Могильнер, А. М. Семенова. Казань : Центр исследований национализма и империй, 2004. С. 427—430.
8. Мацузато К. Управляя пространством: Урало-Каспийский регион и проблемы регионального управления империи // Местное управление в пореформенной России: механизмы власти и их эффективность. Сводные материалы заочной дискуссии. Екатеринбург ; Ижевск, 2010. С. 428—450.

9. Полное собрание законов Российской империи. Собр. II (ПСЗ II). СПб. : В Типографии II отделения Собственной Е.И.В. Канцелярии, 1851. Т. 25. Отделение 2. № 24708.
10. ПСЗ II. СПб. : В Типографии II Отделения Собственной Е. И. В. Канцелярии, 1867. Т. 40. Часть 1. № 42058.
11. Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 383. Оп. 9. Д. 7674.
12. РГИА. Ф. 1263. Оп. 1. Д. 373.
13. РГИА. Ф. 1263. Оп. 1. Д. 775.
14. РГИА. Ф. 1281. Оп. 4. Д. 146.
15. РГИА. Ф. 1286. Оп. 5. Д. 138.
16. РГИА. Ф. 1290. Оп. 4. Д. 73.
17. РГИА. Ф. 1409. Оп. 2. Д. 5568.
18. РГИА. Ф. 1409. Оп. 2. Д. 5680.
19. Ремнев А. В. Самодержавие и Сибирь: Административная политика второй половины XIX — нач. XX в. / отв. ред. А. П. Толочко. Омск : Омский гос. ун-т, 1997.
20. Семенова Н. Л. Проблема разделения Оренбургской губернии: проект военного губернатора П. К. Эссена // Вестник Челябинского государственного университета. 2014. № 22 (351). История. Вып. 61. С. 47—56.
21. Справочная книжка Архангельской губернии на 1850 г. Составлено губернским статистическим комитетом. Архангельск : Тип. губернского правления, 1850.
22. Справочная книжка для Вологодской губернии на 1855 г. Вологда : Губернская тип., 1855.

Поступила в редакцию 10.10.2017

Семенова Наталья Леонидовна, кандидат исторических наук, доцент
Стерлитамакский филиал Башкирского государственного университета
Российская Федерация, 453103, г. Стерлитамак, пр-т Ленина, 49
E-mail: natalja_leonid@mail.ru

UDC 94 (470.56)“183/184”

N. L. Semenova

Administrative-territorial modification of the Orenburg Province in the Projects of Military Governors of the Region in the 30s—40s of the XIX century

Based on the archival documents the author analyzes the projects of the Orenburg province division worked out by the military governors in 30s—40s of the XIX century. The given research allowed to determine the mechanisms of making governmental decisions in the second quarter of the XIX. The author comes to the conclusion that the most important criteria of administrative changes are centralization, further integration of suburbs into the Imperial territory, creation of the cheap and effective governmental body to manage the province which could consider both the local characteristics and the interests of the central power.

Key words: administrative policy, Orenburg region, military government, administrative-territorial organization, Committee of Ministers.

Semyonova Nataliya Leonidovna, Candidate of Historical Sciences, Associate Professor
Sterlitamak Branch of the Bashkir State University
Russian Federation, 453103, Sterlitamak, pr-t Lenina, 49
E-mail: natalja_leonid@mail.ru

References

1. Vyskochkov L. V. *Nikolai I* [Nicholas I]. Moscow, Molodaya gvardiya Publ., 2006. (In Russian)
2. *Gosudarstvennyi arkhiv Orenburgskoi oblasti* [State Archives of the Orenburg Region] (GAOO). F. 6. Op. 4. D. 9755.

3. GAOO. F. 6. Op. 6. D. 12365.
4. Kappeler A. “Rossiya — mnogonatsional’naya imperiya”: nekotorye razmyshleniya vosem’ let spustya posle publikatsii knigi [“Russia is a Multinational Empire”: some reflections eight years after the publication of the book]. *Mify i zabluzhdeniya v izuchenii natsionalizma* [Myths and Misconceptions in the Study of Nationalism]. Moscow, Novoe izdatel’stvo Publ., 2010. (In Russian)
5. Kobzov V. S. *Voенно-administrativnaya struktura Orenburgskogo kazach’ego voiska v XVIII — pervoi polovine XIX v.* [The military-administrative structure of the Orenburg Cossack army in the XVIII — first half of the XIX century]. Chelyabinsk, Chelyab. gos. universitet Publ., 1996. (In Russian)
6. Lyubichankovskii S. V. Mekhanizmy “vnutrennei administrativnoi kolonizatsii” i imperskoe konstruirovaniye regional’noi upravlencheskoi spetsifiki [Mechanisms of “internal administrative colonization” and imperial construction of regional managerial specifics]. *Mestnoe upravlenie v poreformennoi Rossii: mekhanizmy vlasti i ikh effektivnost’*. *Svodnye materialy zaochnoi diskussii* [Local governance in post-reform Russia: mechanisms of power and their effectiveness. Summaries of the virtual discussion]. Ekaterinburg, Izhevsk, 2010, pp. 457—460. (In Russian)
7. Matsuzato K. General-gubernatorstva v Rossiiskoi imperii: ot etnicheskogo k prostranstvennomu podkhodu [General-governorship in the Russian Empire: from ethnic to spatial approach]. *Novaya imperskaya istoriya postsovetskogo prostranstva: sb. statei* [New imperial history of the post-Soviet space: coll. articles]. Kazan, Tsentr issledovaniya natsionalizma i imperii Publ., 2004, pp. 427—430. (In Russian)
8. Matsuzato K. Upravlyaya prostranstvom: Uralo-Kaspiiskii region i problemy regional’nogo upravleniya imperii [Managing the space: the Ural-Caspian region and the problems of regional administration of the empire]. *Mestnoe upravlenie v poreformennoi Rossii: mekhanizmy vlasti i ikh effektivnost’*. *Svodnye materialy zaochnoi diskussii* [Local governance in post-reform Russia: mechanisms of power and their effectiveness. Summaries of the virtual discussion]. Ekaterinburg, Izhevsk, 2010, pp. 428—450. (In Russian)
9. *Polnoe sobranie zakonov Rossiiskoi imperii. Sobr. II* [Complete collection of laws of the Russian Empire. Coll. II] (PSZ II). St. Petersburg, V Tipografii II otdeleniya Sobstvennoi E.I.V. Kantselyarii Publ., 1851. Vol. 25, part 2, no. 24708. (In Russian)
10. PSZ II. St. Petersburg, V Tipografii II otdeleniya Sobstvennoi E.I.V. Kantselyarii Publ., 1867. Vol. 40, part 1, no. 42058. (In Russian)
11. *Rossiiskii gosudarstvennyi istoricheskii arkhiv* [Russian State Historical Archive] (RGIA). F. 383. Op. 9. D. 7674.
12. RGIA. F. 1263. Op. 1. D. 373.
13. RGIA. F. 1263. Op. 1. D. 775.
14. RGIA. F. 1281. Op. 4. D. 146.
15. RGIA. F. 1286. Op. 5. D. 138.
16. RGIA. F. 1290. Op. 4. D. 73.
17. RGIA. F. 1409. Op. 2. D. 5568.
18. RGIA. F. 1409. Op. 2. D. 5680.
19. Remnev A. V. *Samoderzhavie i Sibir’: Administrativnaya politika vtoroi poloviny XIX — nach. XX v.* [Autocracy and Siberia: Administrative policy of the second half of the XIX — beginning. XX century]. Omsk, Omskii gos. un-t Publ., 1997. (In Russian)
20. Semenova N. L. Problema razdeleniya Orenburgskoi gubernii: proekt voennogo gubernatora P. K. Essena [The problem of the division of the Orenburg province: the draft of the military governor P. K. Essen]. *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2014, no. 22 (351), Istoriya, is. 61, pp. 47—56. (In Russian)
21. *Spravochnaya knizhka Arkhangel’skoi gubernii na 1850 g. Sostavleno gubernskim statisticheskim komitetom* [Reference book of the Arkhangelsk Province for 1850 Compiled by the Provincial Statistical Committee]. Arkhangelsk, Tip. gubernskogo pravleniya Publ., 1850. (In Russian)
22. *Spravochnaya knizhka dlya Vologodskoi gubernii na 1855 g.* [Reference book for the Vologda province for 1855]. Vologda, Gubernskaya tip. Publ., 1855. (In Russian)